

Сергей Поваляев

Философия поэзии

Очерки, дискуссии, философская поэзия

Сергей Анатольевич Поваляев
Философия поэзии.
Очерки, дискуссии,
философская поэзия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28062347
ISBN 9785448582707

Аннотация

В книге раскрываются особенности философии и поэзии как особых видов творческой деятельности. Приводятся взгляды Гадамера, Хайдеггера, Дерриды на поэзию. Представлено поэтическое творчество Ницше. Дан коллаж философской лирики от Древнего Востока и античности до современности.

Философия поэзии Очерки, дискуссии, философская поэзия

**Сергей Анатольевич
Поваляев**

© Сергей Анатольевич Поваляев, 2017

ISBN 978-5-4485-8270-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

С древности мыслителям было свойственно выражать свои философские воззрения в поэтической форме – античность (Лукреций), древний Китай – Лао-Цзы. Поздняя европейская традиция – Ф. Ницше. Вл. Соловьёв. Но это вряд ли может служить примером поэзии в прямом смысле слова. Другое дело – философская поэзия которая представляет собой законченные поэтические произведения, наполненные глубоким философским содержанием (Тютчев, Баратынский, Блок, Тарковский, Бродский) (26). Если сопоставлять философа и поэта, как творцов мысли, то мож-

но найти много общего. И философ, и поэт в своих произведениях стремятся создать мир (философ – с точки зрения познания Универсума, поэт – сам творит свой Универсум). (11) Подобным же образом можно соотнести и методологию философии и поэзии. Первая в большей степени стремится опираться на научную основу, вторая – через поэтический язык и рифму, выступает своего рода ускорителем сознания, мышления и мироощущения. В наибольшей степени, соприкосновение философии и поэзии раскрывается в философской лирике. (8,20.30) Философская лирика имеет различные определения – «гипотеза бытия», «индивидуальная парадигма мира», «обнажённость умозаключений». «мысль-образ-чувства». Иногда философию и поэзию рассматривают в разрезе форм общественного сознания (философское и эстетическое). Но это даёт только общее представление о схожести и различии философии и поэзии. Более яркие краски раскрываются при сопоставлении философии и поэзии на уровне индивидуального философского и поэтического сознания. Но тогда возникает вопрос – можно ли считать первое порождением чисто научной основы восприятия мира, а второе считать выражением собственного психического опыта? И да, и нет. Так, например, вряд ли продуктивно резко разграничивать уровень сознания и уровень психического, как последующей трансформации абстрактно-логического и чувственного познания мира. (26) В философской лирике в равной степени пересе-

каются нравственно-философские, натурфилософские и социально-философские оппозиции. В обычной поэзии такие оппозиции также присутствуют. Но в случае философской лирики они в большей степени носят общественно значимый характер, в обычной же поэзии, как правило, личностный. Философская лирика в гносеологическом смысле – это способ взаимодействия с миром на художественном уровне, а не простая констатация философских идей.

Она сочетает в себе три познавательных элемента – аналитический, интуитивный и возвышенный (форма библейского откровения). При этом, на передний план в большей степени выходят интуиция и откровение, которые позволяют собственно поэтическому творчеству достигать высоких философских обобщений (10). Ещё один важный аспект, который не может быть не затронут, это определённая трансцендентальность философской лирики как специфического жанра (обычно это связывается с наличием метафизического переживания в контексте произведения). Примером этому может служить фрагмент стихотворения Арсения Тарковского. (27)

Бывает, в летнюю жару лежишь
И смотришь в небо, и горячий воздух
Качается, как люлька, над тобой
И вдруг находишь странный угол чувств:
Есть в этой люлке щель и сквозь неё
Проходит холод запредельный,

Будто какая-то иголка ледяная...

В данном поэтическом отрывке как раз и присутствует состояние перехода индивидуального ощущения в некоторое негативное метафизическое переживание. Но в философской лирике зачастую проступают и элементы постмодернистской иронии. Примером этому может служить следующее стихотворение поэта Сергея Поваляева (19)

Всё это надоело донельзя.

И рифм онтологических ни счесть.

Но ходит вновь с котомкою поэзия

И тянет истину туда опять залезть.

Пусть там сухарь, вина на пол кровинки.

Пусть там вообще не будет ничего.

Трясём, трясём – хотя б одна песчинка

От пирога, что съели мы давно...

Окажется в котомке только слово.

Дорога ждёт и далее – ни зги,

А истина от нас уходит снова,

Заблудшая как рифма впереди...

Философская лирика, в известном смысле, олицетворяет собой органическое соединение основных звеньев человеческой культуры—философии искусства, науки, религии и, по сути, особую форму поэтического мировоззрения. (26)

Глава 1. Краткий обзор истории философской поэтической мысли

1.1 Античность

Мыслителям данной эпохи было свойственно выражать свои мысли в виде поэзии. Уместным будет назвать александрийскую школу (расцвет александрийской поэзии относится к первой половине III в. до н. э) и ее представителей: астрономическая поэма Арата (около 315 – 240 гг.) «Небесные явления» принадлежит к числу знаменитых творений эллинистической литературы, неоднократно переводилась римлянами и дошла до нас; Каллимах из Кирены, где в основе его поэзии лежала борьба с банальностью и поиск глубинных основ бытия. Необходимо упомянуть и творение Тита Лукреция Кара «О природе вещей», которое написано в стиле дидактической поэмы. Можно вспомнить Аристотеля, который в «Этике» подробно анализировал, что такое поэзия и каково ее место. Философ считал, что поэзия имеет своим предметом не только реальное, но и вероятное. Она стремится к обобщению тех единичных фактов и характеров, о которых говорят поэты. Поэтому в ней больше философского смысла, чем в истории, которая имеет в виду только частное.

1.2 Средневековье

В XII – XIII века расцветает латино-язычная литература, в частности, поэзия вагантов (от лат. *vagantes* – бродячий). (21). Поэзия вагантов, кочующих по всей Европе в поисках лучших учителей и лучшей жизни, была дерзкая, осуждающая церковь и духовенство и воспевающая радости земной и вольной жизни. В поэзии вагантов переплетались две основные темы: любовная и сатирическая. Стихи в массе своей

анонимны; они плебейские по своей сути и этим отличаются от аристократического творчества трубадуров. Ее авторами были озорные школяры, неунывающие клирики и обедневшие рыцари. Поклонники Бахуса и Венеры, они вели бродячий образ жизни и в своем творчестве охотно обращались к фольклору, используя мотивы и формы народных песен. Ваганты знали, что такое бедность и унижение, но их стих воспеваящие вольное братство, проникнуты радостью, свободой, 9 земной любовью. Особый интерес представляет Кембриджское творчество вагантов – школяров, в особенности тематическое направление диспутов, где в наибольшей степени ответы на философские вопросы перекликаются с поэтическим их воплощением.

1.3 Ренессанс

Взаимодействия философии и поэзии отчётливо прослеживается в эпоху Возрождения. Культура в это время приобретает общественный светский характер. Творцы Ренессанса определяли образ своей жизни исходя не из внешних обстоятельств, а из внутренних установок. Человек обращал свой взор на свою сущность, осознавал себя, формировал свою целостность, искал ответы на вечные фундаментальные вопросы. Франческо Петрарка, Буонаротти Микеланджело, Пьер де Ронсар, Ганс Сакс транслировали свою философию с помощью произведений искусства, поэзии, где внешнее совершенство немислимо без внутренней эманации. Особое место занимает Данте Алигьери и его «Божественная ко-

медия», которая по сути явила собой своего рода энциклопедию научного, политического, философского, морального и библейского знания своей эпохи. Именно в эту эпоху Джордано Бруно впервые употребил термин «метафизическая поэзия».

1.4 Новое время и современность

Эпоха Нового Времени отвлеклась от культуры, обозначив приоритет науки и именно в этом русле и происходит актуализация соотношения философии и поэзии.

Представитель религиозного экзистенциализма К. Ясперс утверждал, что поэт порой достигает своей цели, а философ – иногда. Но тут надо отметить, что всё таки цели у философии и поэзии разные. Если первая пытается дать обобщённое осмысление Универсума, то вторая стремится сконструировать свой личностный Универсум. Согласитесь это суть разные подходы. Мартин Хайдеггер говорил о поэзии, как о становлении и осуществлении истины, главном источнике метафизики. Поэзия, по мнению философа, также выступает подтверждением первоначальной онтологической реальности языка (31,32). Французский философ и искусствовед Гастон Башляр назвал поэзию «мгновенной метафизикой» в которой задача поэта определяется как необходимость достижения непосредственного выражения сути бытия и мира. Здесь уместно говорить о целом философско – поэтическом пласте, который активно занял свою историческую нишу и получил название «метафизической поэзии».

Начиная с XX столетия школа метафизической поэзии переживает свой Ренессанс и это связано, первую очередь, с именем Т. Элиота, который полагал, что человек утратил способность ощущать мысль так же естественно, как запах розы и тем самым собирать разрозненные впечатления. По сути школа метафизической поэзии в какой – то степени пыталась заместить собой потерянную человеком связь с космосом, с цельным миром, Богом... И здесь на передний план выходит стремление облечь в поэтическую форму проблему расколотости человеческого бытия. ¹¹ Здесь уместно вспомнить Э. Фромма, который подчёркивал, что человек – это единственное существо, способное ощущать себя как проблему. Именно ощущение себя как проблемы и нашло воплощение в метафизической поэзии. Особо необходимо остановиться на творчестве И. Бродского (4,5). И. Бродский не только поэт, но и эссеист, автор, чьи размышления о русской и мировой прозе и поэзии зачастую не менее интересны, чем его поэзия. «Послесловие к „Котловану“ А. Платонова» (1973), «Поэт и проза» (1979), «О Достоевском» (1980), «Нобелевская лекция» (1987) – это глубокое исследование сложнейших фактов литературы, ее особенностей, своеобразия. Именно в данных работах Бродский отстаивает позицию о том, что поэзия – высшая ступень развития литературы и мысли и о том, что русская поэзия, как и философия не лишена отличительных черт, своеобразия. У поэтов, согласно Павлу Флоренскому, метафизическая реальность врыва-

ется в душу в моменты вдохновения. Именно тогда глубинные слои духовной жизни прорываются сквозь кору чуждого и мировоззрения нашей современности и внятным языком поэт говорит нам о невнятной для нас жизни... В современной системе философского знания существуют разные точки зрения на соотношение философии и поэзии мысли. Многие философы обращали свое внимание к данному вопросу, но нельзя не сказать об его актуальности среди философов, так называемого, постмодерна. Жак Деррида, например, подчёркивал, что философия, определяемая всем своим корпусом, который представляет собой корпус письма, объективно является особым литературным жанром, который мы должны поместить неподалеку от поэзии. Есть и другая позиция, которая в качестве главного тезиса берет риторический вопрос о ее «форме», или, точнее, попытка бросить на нее тень подозрения: не является ли она, в конце концов, просто литературой. (10) Так или иначе, природа современного поэтического языка во многом впитывает в себя содержательную канву философского осмысления бытия. От этого никуда не уйти. Это объективная данность. Главное же в современном контексте рассмотрения вопросов поэтической мысли и философии лежит в русле рассмотрения тех проблем, которые в равной степени волнуют и мыслителя и творца – не то главное, чтобы изменить наш мир, а то, чтобы не дать ему исчезнуть. (А. Камю).

Глава 2. Поэзия и философия: портрет на фоне сла-

ВЯНСКОЙ КИСТИ

Феномен духовной культуры, сложившийся на пересечении философии и литературы, часто понимается в расширительном толковании: «философским» нередко называют любое «глубокое» поэтическое произведение., затрагивающее общие проблемы жизни и смерти. Необходимо различать родственные, но не сливающиеся понятия – «философская поэзия» и «научная поэзия», «философская лирика» и «медитативная лирика». Размышление, подводящее к идее – обобщению, есть основа философии поэзии. (26) Предмет медитации поэта – философа особый: коренные проблемы мироздания, общества и человека, макро- и микрокосмос. Поэзия, как таковая, нацелена на воплощение живого, частного, случайного, телесно – пластического, а философия поэзии не чужда миру отвлечённых идей. Философия поэзии в отличие от «научной» не была склонна к рациональной заданности, трактатности, сциентизму. Рождённая в русле античной дидактической поэзии (поэтические изложения учений древнегреческих философов— (поэма Лукреция Кара «О природе вещей») (28) в своем становлении в национальных литературах времени философская поэзия. все больше уходила от дидактики. В XIX – XX вв. это проявление психологически сложного акта индивидуального познания, попытки создания поэтической модели мира, своего рода «гипотезы бытия». В русской культуре философии поэзии принадлежит особое место, ее худо-

жественные открытия воздействовали не только на искусство, но на развитие философской мысли. Русские мыслители нередко отдавали предпочтение не отвлеченным философским схемам, логическим выкладкам, а живому поэтическому образу с его афористичным сопряжением природы и человека. Но как самостоятельная эстетическая система и особая сфера философствования русская философская поэзия начинает складываться в русле раннепросветительской традиции. Опыты дидактической поэзии Симеона Полоцкого и его учеников Сильвестра Медведева и Кариона Истомина можно отнести к истокам философско-поэтического просветительства. Важнейшие страницы в историю философской поэзии вписали 14 «Золотой век просвещения» (от Пушкина до позднего Тютчева и Фета) и «Серебряный» век русской поэзии. (20,29,). Начиная с XV¹¹¹ века русская творческая мысль была представлена такими разнообразными по жанру произведениями., как сатиры и стихи из философских писем Кантемира, поэма В. К. Тредиаковского «Феоптия», научно-философские стихотворения М. В. Ломоносова, ода «Вольность» и неоконченная поэма «Творение мира» Н. А. Радищева, философские оды Г. Р. Державина и др. Многие темы, а также жанрово-стилистические особенности философской просветительской поэзии XVIII в. были подхвачены в начале XIX в. поэтами – радищевцами, а затем декабристами. Особое место в развитии философской поэзии занимают 20-30-е гг. XIX в.,

когда как явление литературы, она получает не только широкое распространение (к ней обращаются Пушкин, Любомудры, Баратынский, Лермонтов, Тютчев), но и теоретическое осмысление. Вслед за немецкими романтиками, члены кружка Любомудров выдвигали эстетическую программу объединения поэзии с философией и пытались подтвердить свои теоретические воззрения поэтической мыслью, правда, больше говорили о философской поэзии, чем практически сделали для неё. Философия поэзии развивалась не только в русле романтизма. Соединением поэтического и философского дара отмечено творчество В. С. Соловьева, оказавшее огромное влияние и на философию, и поэзию начала XX столетия. (25) Многих. поэтов-мыслителей характеризовала справедливость мысли: «Мы знаем философов, которые разгадали тайну ритма, и поэтов, которые владеют идеями, как опытные бойцы рапирами» (25). Мережковский, Минский, Белый, Иванов, Блок, Флоренский, Рерих раскрывали свои философские идеи в трактатах и статьях равно как и поэтических произведениях («рапира последних» порою была безупречной). Философский и поэтический ренессанс рубежа XIX-XX веков оказал воздействие на лирику В. Хлебникова, В. Маяковского, Б. Пастернака, О. Мандельштама, Н. Заболоцкого, Л. Мартынова, А. Тарковского. В истории развития философии поэзии выделяют разновидности: натурфилософская, социально-философская и нравственная. (25) В этот ряд иногда относят и произведения. религиозно-фило-

софского и историко-философского плана. В XVIII – XX вв. получили широкое распространение поэтические переложения библейских текстов, многие из которых вошли в русскую философскую поэзию. Шедевром религиозно – философской лирики явился пушкинский цикл «Подражание Корану» (1824). Историко – философская проблематика нашла отражение в «вирше» Симеона Полоцкого «Диоген». Высокими образцами философской лирики являются стихотворения: «Цицерон» Тютчева, «Из Упанишад» «Индийский мудрец» и «Великое Ничто» Бальмонта «Джордано Бруно», Бунина, «Ламарк» Мандельштама, «Сократ» Тарковского.

Глава 3. Фридрих Ницше. Философ – поэт

Поэзия Фридриха Ницше (15) не лежит в стороне от его философии. В соединении с ней она является полноправной частью его творчества как целого. Здесь следует сразу оговорить терминологический момент: говоря о поэзии Ницше, надо иметь в виду его стихотворные, лирические произведения, в которых, однако, присутствуют элементы других видов поэзии – драмы и эпики. Лучшие циклы стихов Ницше были созданы в тот период, когда уже окончательно выработалась его техника афористического письма. Эти стихи писались параллельно с книгами «Утренняя заря» и «Веселая наука», стихотворной рамкой которой стали циклы «Шутка, хитрость и месть» и «Песни принца Фогельфрай». написанные в год создания «Антихриста», «Сумерек кумиров», «Казуса Вагнер» и афоризмов, которые должны были войти

в книгу «Воля к власти»».

Одинокая любовь

Одинокий колос, колос, а не нива,
И любовь к подруге, страсть, а не любовь;
Называть любовью страсть несправедливо,
Кровь угасит мысли, мысль угасит кровь.
Даже чувство дружбы как-то сиротливо —
Я любить желаю всех, иль никого;
Одинокий колос, колос, а не нива —
Дружба недостойна сердца моего.
Я всегда чуждаюсь страстного прилива —
Чувство к одному я прогоняю прочь —
Одинокий колос, колос, а не нива —
Дружба, сладострастье есть не день, а ночь.
Мне противны звуки одного мотива,
Полюбивши друга, я забуду всех —
Одинокий колос, колос, а не нива...
Дружба над любовью есть глубокий смех.

Мудрость

Череп!

Мудрость глядит из зияющих впадин глазных,
Тихо гниющая лобная кость говорит без тумана:
Нет наслаждения правдой в волненьях пустых,
Нет красоты и ума вдохновений в пожаре обмана.
Ряд обнажённых зубов, искривлённых тоской,
Грустно смеётся над тем, что мы славим и нагло позо-

рим...

Избранных эта насмешка зовёт на покой

Без упоения призрачным счастьем, иль видимым горем...

Правда – в недвижимом одном замираньи, в гниении одном!

Тайна – нирвана; получит блаженство в ней ум безнадёжно-бессильный...

Жизнь – есть святое затишье, покрытое сном...

Жизнь – это мирно и тихо гниющий от света могильный

Идеал

Тем идеал священен и велик,

Что мы достичь его вершин не в силах,

Но юноша, и дева, и старик

Перестают томиться им... в могилах.

Как радуга сияет идеал:

Мы знаем все, что радуга виденье,

Но идеал так мощно б не блистал,

Когда свои мы поняли стремленья...

Он навсегда б, как метеор, угас,

Когда б мы все пришли к его вершине:

И вера в жизнь и свет исчезла в нас,

И мы все умерли б, тоскуя о святыне.

Расплата

Топчи моё имя в грязи!

Позор и бесчестье прощая.

Любовь пусть замучит меня!

Топчи моё имя в грязи,
Я юность твою погубил, извлёк из обителей рая,
Топчи моё имя в грязи и смертью меня зарази!
Казни красотою своей, бросаясь на грязное ложе...
В объятьях безумных ночей казни красотою своей,
И тело богини моей на падаль пусть будет похоже!
Казни красотою своей и смейся над жертвой страстей!
Я всё, всё прощаю тебе, прости же меня, дорогая,
13

Забудь оскорбления мои, я всё, всё прощаю тебе,
Любовь пусть замучит меня, и ревностью страшной сгораю,

Я всё, всё прощаю тебе, как злой и коварной судьбе...

Презрение

Если ты презираешь себя,
То гордишься собою ты вечно,
Так огонь пожирает, губя
Всё без жалости, что ж человечно
Не погибнешь шутя и беспечно.
Презирая себя, я всегда Уважаю за это мышление...
Презирать и не мыслить беда, —
Расточать же разумно презрение
Подвиг в жизни мирской без значенья.

Кошмар

Ко мне опять вливается волною

В окно открытое живая кровь...
Вот, вот ровняется с моею головою
И шепчет: я – свобода и любовь!
Я чую вкус и запах крови слышу...
Волна её преследует меня...
Я задыхаюсь, бросаюсь на крышу...
Но не уйдёшь: она грозней огня!

14

Бегу на улицу... Дивлюся чуду:
Живая кровь царит и там повсюду...
Все люди, улицы, дома – всё в ней!..
И не слепит она, как мне очей,
И удобряет благо жизни люду,
Но душно мне: я вижу кровь повсюду!

Милосердие

Никто из нас не прав, – когда не замечает,
Как ранит та рука, которая щадит,
Как угнетает мысль, как грубо удручает,
Взяв милосердие за самый верный щит.
А этот щит плодит, лобзая преступленье,
Насилье и порок и слабому грозит
,У истины берёт и мудрость, и значенье,
Нет, милосердие не добрый – злобный щит!
Он преступлению развязывает руки,
Дамокловым мечом он честности грозит,

Смеётся над добром, когда наносит муки,
Да, милосердие есть ненадёжный щит!

Полночь

Мне душно... Пропасть время поглотила...
Не умерщвлён ли я бесстрастной тишиной?!

15

Земля мертва, как будто, все могила
Насильно отняла, что билось со мной.
Сон или смерть?! Потухшими глазами
На всё глядит луна, печальна, как мертвец,
И есть ли жизнь на ней, объятой небесами?
Сатурн надел на всё забвения венец!
Быть может, умер я и взор мой – привиденье,
И странствует душа в неведомых мирах,
В ней всё слилось – и вечность и мгновенье,
И мрак, и свет – в один безумный страх.
Нет, я дышу; я чую сердце живо,
Я слышу мира вздох, он вырвался, как луч,
Полночный час смеётся так игриво
И говорит, как мир таинственный могуч

Страсть

Чувственность загубит
Все ростки любви...
Страсть любовь забудет,
Вспыхнет пыль в крови.

Ты мечтою жадной
Юности не тронь,
Иль огонь нещадный.
Чувственный огонь
Мужество расплавит
В пламенной крови,
Пепла не оставит
От твоей любви.

Бессилие

Заснула жизнь в объятиях заботы
Мой ум молчи! Кругом всё спит, живут враги дремоты
Одни ключи...
Душа моя, как ключ, всё хочет биться
Во тьме ночной.
Как песнь любви она всегда дивится
Себе самой!
Огонь любви! Как жажду я сиянья
Твоих очей!
Стихийный миг могучего желанья
В груди моей.
Но солнце – я и в свете, как в эфире,
Всегда один...
Когда б, о ночь, блистать в твоей порфире
Из мрака льдин.
Когда б я мог и смел, о, мрак, сразиться
С твоим венцом!

Когда б звезда могла в меня влюбиться,
Лобзать огнём...
О, если б мне из той груди волшебной
Весь выпить свет,
То мир покрыл фатой целебной
Её привет.
Но тщетно я стремлюсь с священной страстью
К тебе, о ночь!
Душа моя, влекома тайной властью,
Отходит прочь
Она болит и ноет от заботы:
Мой ум молчи! —
И вторят ей среди дремоты
Одни ключи...

Рабы

Я надел добровольно вериги,
Стал укором проклятой семье...
Жизнь, как пошлость бессмысленной книги,
Я отбросил: подобно ладье
Я плыву по беспутному морю,
Без сочувствия счастьем и горю.
Нет спасения в косности мира
Безнадёжных и жалких рабов...
Есть остатки с безумного пира Я не в силах...
О, сколько умов Ожидающих тщетно свободы
Погубили безмолвия годы.

Рабство хуже кошмара и казни,
Жизнь под гнётом оков – клевета!
В сердце львином смиренной боязни
Нет и не было... Мысль – суета.
В царстве силы, где внешность пророка
Обвиняет за дерзость порока.
О, исчадие тьмы безнадёжной!
Вы не звери, вы хуже – рабы!
Ваши души во тьме безмятежной
Спят в цепях. Лишь удары судьбы
Вас разбудят, как рёв океана,
В час величья грозы – урагана.
Лицемеры! Зачем Вам пророки?
Злой мороз ненавидит цветы! —
Вы – позорно и нагло жестоки
К проявлению свободы... Мечты,
Умертвите вы рабским дыханьем,
Заразивши пророков лобзаньем.

Воля

Из тихой пристани отплыл я одиноко,
Для гроз и бурных волн, о жизни океан?
Я смелый мореход и путь держу – далёко,
Но светоч истины несу я так высоко,
Что доведу его до грани новых стран.
Из тихой пристани отплыл я одиноко.
Мой парус – мысль моя, а кормчий – дух свободный,

И гордо мой корабль плывёт по лону вод,
И голос совести, стихии благородной,
Спасёт, спасёт меня: я с силою природной
Один иду на бой, и океан ревёт...
Мой парус – мысль моя, а кормчий – дух свободный...
И любо биться мне с противником ужасным,
Свободу чую я в хору крылатых бурь,
И не гадаю я: в бою ль погибну страстном,
Иль с истиной святой в объятии прекрасном
Увижу новых стран волшебную лазурь.
И любо биться мне с противником ужасным.

Из дневника

Век суждено мне бороться,
Жить не могу без борьбы;
Видно, как в песне поётся,
Мне не уйти от судьбы.
Если враги все убиты,
Снова хочу воскресить
Тех, имена чьи забыты,
Чтобы их снова убить.
Страшно: боюсь, посмеётся
Злобно над сердцем судьба:
Биться с собой мне придётся,
Резать себя, как раба.

Красота

Чтоб совершить преступление красиво

Нужно суметь полюбить красоту.
Или опошлишь избитым мотивом
Смелую мать наслажденья, мечту.
Часто, изранив себя безнадёжно,
Мы оскверняем проступком своим
Всё, что в могучем насилье мятежно,
Всё, что зовётся прекрасным и злым.
Но за позор свой жестоко накажет
Злого желанья преступная мать,
Жрец самозванцам на них же покажет,
Как нужно жертвы, красиво терзать.
Стыд Люби и не стыдись безумных наслаждений,
Открыто говори, что молишься на зло,
И чудный аромат свирепых преступлений
Вдыхай в себя, пока блаженство не ушло

Глава 4. Ганс Гадамер Философия и поэзия (фрагменты)

(О загадочной близости) (6)

Между философией и поэзией есть загадочная близость, которая стала осознаваться со времен Гердера и немецкого романтизма. К этой близости не всегда относились с одобрением, видя в ней, скорее, свидетельство нищеты послегегелевской философии. В XIX и XX веках университетская философия утратила свое значение, причем произошло это не просто из-за обращенных против не гневных тирад Шопенгауэра. Это случилось потому, что она уступила место ве-

ликим Неакадемическим философам и писателям масштаба Кьеркегора и Ницше, а еще более потому, что была отодвинута в тень целым созвездием великих романистов, прежде всего французами – Стендалем, Бальзаком, Золя – и русскими писателями – Гоголем, Достоевским, Толстым. Университетская философия к тому времени заблудилась в лабиринте историко – философских исследований, продолжая отстаивать свою «научность» с помощью стерильной теоретико – познавательной проблематики. И если университетской философии позднее удалось частично отвоевать утраченную позицию (благодаря работам так называемых философов-экзистенциалистов – Ясперса, Сартра, Мерло-Понти, Габриэля Марселя и прежде всего, благодаря работам Мартина Хайдеггера), то произошло это потому, что философия вторглась в пограничную область поэтического языка, за что стала подвергаться суровой критике. Казалось бы, в эпоху науки философу, который хочет, чтобы его принимали всерьез, не пристало рядиться в тогу пророка. Чего же ради тогда философия сторонится великих достижений современной логики, совершившей за последние сто лет головокружительный скачок по сравнению с аристотелевской логикой? Почему она все больше уходит в заоблачные сферы поэтического языка? Однако плодотворное напряжение, существующее между областью поэзии и областью философии, их близость и отдаленность друг от друга – это не проблемы недавнего прошлого; они постоянно сопровождают европейскую

философию, которая отличается от восточной мудрости как раз тем, что несет в себе это напряжение с самого начала ее зарождения. Еще Платон говорил о древнем раздоре между поэзией и философией и изгонял поэзию из царства идей и блага, но вместе с тем философия Платона, этого сказителя мифов, который с неподражаемым умением соединил возвышенность и иронию, древнюю легенду и четко выраженную мысль, вмещает в себя и поэзию. (философия и поэтический текст) (6) Там, где средством коммуникации служит язык, возникает вопрос об отношении философии и языковых форм искусства. Как соотносятся друг с другом обе эти предельные и вместе с тем контрарные формы употребления языка – замкнутый на себя поэтический текст и сам себя упраздняющий, выходящий за пределы всякой событийности язык понятия? В соответствии с испытанным феноменологическим принципом мы хотим рассмотреть этот вопрос, исходя из предельных случаев; поэтому в качестве отправных пунктов мы берем лирическое стихотворение и диалектическое понятие. Лирическое стихотворение является предельным случаем потому, что в нем, вне всякого сомнения, в наиболее чистом виде воплощена неотделимость произведения искусства от оригинальности его языкового выражения, что доказывается неперевоодимостью лирического стихотворения на другие языки. В пределах лирического жанра мы обратимся к его наиболее радикальной форме – *poésie pure*. Уже сам вопрос о переводимости (какой бы

отрицательный ответ мы на него ни давали) свидетельствует о том, что даже в таком крайнем случае, как лирическая поэзия, при чрезвычайно возрастающей музыкальности поэтического слова дело, по сути, заключается в музыкальности языка. Поэтическая конструкция строится как постоянно обыгрываемое равновесие звучания и смысла. Структурированием звуков, ритмов, рифм, вокализаций, ассонансов и т. формируются стабилизирующие факторы, которые удерживают затихающее и ускользящее слово. Таким образом они конституируют единство всего «произведения». Но это такое произведение, которое одновременно представляет собой речевое единство. Это означает, что в стихотворении действуют и другие логико – грамматические формы построения осмысленной речи, даже если под воздействием указанных структурных сторон произведения они отходят на задний план. Синтаксические средства языка используется здесь крайне экономно. благодаря самопредстоянию отдельные слова достигают присутствия и излучающей силы. Коннотации, придающие слову полноту его содержания, а в еще большей мере семантическое притяжение, внутренне присущее каждому слову (так что его значение многое притягивает к себе, то есть может очень по-разному себя определять), получают полную свободу развертывания. Возникающая из-за этого многозначность и темнота текста могут приводить толкователя в отчаяние, но это структурный элемент такой поэзии. Все это возвращает высказанному слову изна-

чально присущую ему способность – способность называния. С помощью называния что-то постоянно вызывается к наличествованию. Хотя как таковое отдельное слово, взятое вне его контекстуальной определенности, никогда не может вызывать к жизни смысловое единство, которое производится лишь речью в целом. И даже когда – как современной поэзии – единство образного представления разрывают, вообще отказываясь от описательности ради неожиданной полноты отношений чего-то несвязанного и неоднородного, встает вопрос: что, собственно, означают слова, с помощью которых здесь нечто называют? Что при этом называется. Очевидно, что современная лирика является преемницей барочной поэзии, но она лишена той общей изобразительной и образовательной традиции, которая имелаась в эпоху барокко. Как из звуковых фигур и обрывков смысла может строиться целое? Вот что делает *poésie pure* герметичной. Понятно, что *poésie pure* как предельный случай дает возможность описать и другие формы поэтической речи. Есть целая шкала возрастающей переводимости – от лирической поэзии через эпос и трагедию (последняя есть частный случай перехода к зримости, *metabasis eis allô genos*) к роману и к взыскательной прозе. Во всех этих случаях стабильность произведения поддерживается не только вышеназванными языковыми средствами. Есть еще художественное чтение, есть сценическая постановка. Или же имеется рассказчик, или автор, который, подобно оратору, говорит в процессе письма.

В силу этого и степень переводимости во всех этих случаях соответственно выше. Даже в пределах лирического жанра есть такие формы, как романс, который стилистикой пения, строфикой, припевом роднится с песней, или политическая поэзия, пользующаяся всеми перечисленными риторическими формами и еще рядом других. Однако определяющей и в случае всех этих языковых явлений остается *poésie pure* как чистый случай, причем определяющей настолько, что лирический романс, например, в редких случаях допускает плавный переход в область музыки и меньше всего тогда, когда он максимально самодостаточен (в языковом отношении). В этих случаях романс, в такой мере обладает собственным «звучанием», что уже не поддается переложению ни на какую-либо другую мелодию. Этот критерий пригоден даже для политической поэзии. Причем пригоден в полной мере. Ибо благонамеренность военной или революционной поэзии явным образом отличает ее от всего того, что является «искусством», и отличает как раз благодаря плотности поэтической формы, которая не ухватывается простой благонамеренностью. В этом же причина синхронности поэзии разным историческим эпохам, ее способности просачиваться сквозь целые эпохи, ее непрерывного обновления и возрождения по прошествии времени. С отмиранием всех особенностей современной ему жизни (а в случае древнегреческой трагедии оставшись без музыкального и хореографического сопровождения) чистый текст продолжает жить благо-

даря тому, что является самодовлеющей языковой формой. У поэтического и философского способов речи есть одна общая черта. Они не могут быть «ложными». Ибо вне их самих нет мерила, каким их можно было бы измерить и каким они соответствовали бы. При этом они далеки от какого-либо произвола. С ними связан риск иного рода – риск изменить самому себе. В обоих случаях дело не в том, что отсутствует соответствие предметам, а в том, что слово становится «пустым». В случае поэзии это означает, что вместо того, чтобы звучать она становится лишь созвучной – то ли другому стихотворному произведению, то ли риторике обыденной жизни. Применительно к философии это значит, что философская речь застревает на приведении формальных аргументов или впадает в пустую софистику. В обеих формах распада языка – в стихотворении, которое таковым не является, потому что лишено «своего особого» звучания, или в пустой философской формуле, не имеющей отношения к делу, слово утрачивает самое себя. Там же, где слово исполняется, то есть там, где оно становится языком, мы должны поймать его на слове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.